

Наталья МАТВЕЕВА

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

За окошком метели-проказницы
Мчат по свету, не зная родства.
Зимний вечер, великие праздники.
Было это в канун Рождества.
Дед из бани – рубаха навывпуск –
На скамейке сидит у печи.
Я пристроилась рядом на выступ.
Греют спину мою кирпичи.
В русской печке хлеба поднимаются,
Хлебный дух – тоже часть торжества.
Дед кричит, от безделья мается:
– Хоть бы выпить чего налила.
Ты, Матрёна, на стол бы накрыла,
Принесла б холодец из сеней,
А то голодом всех заморила –
Подвело животы у детей.
– Допекутся хлеба, и накрою.
А пока что ты мне не мешай.
Лучше внученьку сказкой какою
Развлеки, или сядь, почитай.
– Почитать, ну давай сюда книжку.
Ну-ка, внучка, бери табурет,
Да садись-ка поближе, малышка.
А ты, бабка, не засти нам свет.
Сказки Пушкина..., что ж, уважаю.
До чего же хороший поэт!
Только вот что, пожалуй, родная,

Я скажу тебе – сказка другая
В моём сердце оставила след.
Так оставила – помню до слова,
Будто слышу сегодня рассказ.
Помню деда Ивашку Елкова,
То ночное на Яблочный Спас.
Помню белое поле ромашек,
Даже ночью был виден их свет.
Тишина. Кони ржут.
Дед Ивашка
Варит чай. Замечательный дед!
В воду травы степные бросает
С приговором: «Тебе, Доброта! –
Веткой тонкой в котле помешает
И опять: – Отступись, маята!»
Мы ему: «Что ты, дед, там колдуешь?»
«Не колдую, а честь отдам.
Вот послушайте сказку, какую
Слышал ране, и вам повторю».
Ночь темней становилась и глуше,
Угли тлели, светились в золе.
Затаили дыхание, слушаем.
Стынет чай ароматный в котле.
Дед Ивашка – Иван Парамонович,
Подминая неспешно траву,
Сел, прокашлялся.
Время за полночь.
Начал сказ:
– Вот ведь как на миру,
Поглядите: над нами светила
Составляют загадочный круг,
А небесная, светлая сила
Благодатью ложится на луг
И на сонную нашу деревню,
И на станции, и города,
На леса за горой и на ферму,
И на реки, на наши стада.
А земля, освящённая Богом,
Продолжает и жить, и творить.
И для каждого – свет и дорога.
Вот сумей по ней прямо пройти.
Мне под сто ведь, а я всё плутаю...
Ну да сказ не об этом сейчас.
Бабы новое племя рожают.
Даст Бог, доброе выйдет из вас.
Все равны мы в рождении, в смерти,
Ну а в жизни – как сам повернёшь.
Что бы ни было – в доброе верьте.
А иначе делам вашим – грош.
Зло и жадность гоните с порога,
Не сдавайте обидам угла,
Ведь во зле для людей нету прока.

Зло, оно ведь сжигает дотла.
Чернота да раздор, словно трещины,
Бес попутает, встанет стеной,
Будут всюду уродцы мерещиться
Да врагами вставать за спиной.
Ох, ребята, вот если б, да кабы...
Так случилось,
В селенье одном
Наточили ножи брат на брата,
Зло засело в селе.
Что потом...
И неясно, что было в начале,
Только дни становились темней,
Здесь не пели уже, а кричали,
Погасало всё больше огней.
Словно в сумраке виделись лица,
Покраснели от злобы глаза.
Перестала весна людям сниться,
Растворилась во тьме бирюза.
Зло рубило кресты из берёзы
И осинник сжигало в печач.
Круглый год там стояли морозы,
И лежала беда на плечах.
Умирай – никого не докличешься,
Замерзай – не откроют дверей.
Каждый хмурится, косится, бычится,
На подворьях здесь каждый – злодей.
И Добро, что давалось с рождения,
Вдруг покинуло эти дома.
Паутинное злобы плетение
Увело мужиков от ума.
А Добро побродило по свету,
Пожило среди разных людей.
Шло себе, улыбаясь рассветам,
Пело песни.
И пел с ним ручей
В ярких бликах весеннего солнца,
Радуг росных.
В вечерней заре
Улыбалось, стучало в оконца
И тянулось, смеясь, к детворе.
Шло себе, помогая всем сразу,
По дороге, что стлалась ковром.
Становилось то девкою красной,
То старухой, а то мужиком.
Ведь лица у Добра, вроде, нету.
Только вот ведь, малыцы, как сказать,
Ходит, бродит безликим по свету,
Но его можно сразу узнать.
Ну, так вот...
Оно девицей статной
Вдруг попало в метель и пургу.
Вьюга выла:
«Иди, – мол, – обратно.
Я тебя пропустить не могу!

И кому ты нужно здесь?
Послушай:
Возвращайся! Погубит молва.
Не студи свою хрупкую душу,
Уходи, пока есть голова.
Не жалею! Чего подоспело?
Только здесь не отыщешь приют.
Здесь у нас свои сила и дело,
И Добром здесь давно не живут!
Уходи! Злу не надобно братство.
Отступись! Не бросай даже взгляд!
Сгинь, Добро!
Люди жаждут богатства.
Люди золота, денег хотят.
Что замолкло, поникло? Ну, стукни!
Постучись в этот запертый дом.
Ну, кричи!
Ну, зови!
Ну, аукни!
Всё завалено здесь серебром.
Ты наивно и жизни не знаешь.
Если хочешь пройти, что ж, иди.
Ты, Добро, всё равно умираешь.
А у нас ещё всё впереди.
И кружила, и злилась, и व्यюжила,
Всё пыталась, как пламя, задуть.
А Добро в лёгком платье из кружева,
Оттолкнув её, тронулось в путь
И с надеждой в избу постучало.
Но ему не открыли дверей.
Зло кружило над ним, хохотало:
«Говорю тебе, я здесь сильнее.
Ну а скоро не только в селении,
На земле не останется мест
Для Добра.
Упадёшь на колени!
Изготовлю осиновый крест!»
А Добро всё ж стучалось в курени
И брело от крыльца до крыльца.
Не пускали – швыряли поленья,
Хохотали, не видя лица,
А потом погасили окошки,
Двери заперли на два замка.
Отвернулись, не дали ни крошки
И укрыться не дали ремка.
На Добро навалилась усталость,
Тело, душу морозом свело.
И надежды совсем не осталось –
Погнало его Зло за село.
И у старой заброшенной мельницы,
Спотыкаясь, упало на снег.
Видит, кружится всё, видит, вертится,
И Нечистого слышится смех.
Видит круг пред собой почерневший
И себя постаревшим в кругу.

Сжало руки свои онемевшие:
Нет, подняться я снова смогу!
Мне бы только любви полглоточка...
И услышало шёпот детей:
– Ещё, вроде, жива. Платье в ключьях...
Занесём её в дом поскорей.
И теплом, и любовью повеяло...
Здесь, на мельнице, двое детей
Дни сиротством и голодом мерили,
Потеряв дорогих матерей.
И Добро укрывая обносками,
Грели воду на слабом огне
И кормили супишком из проса.
Уложили потом на рядне
И ржаною прикрыли соломой
Сверх тряпья, чтобы было теплей.
С каждым часом лицо незнакомое
Становилось родней и родней.
И казалось, что там, за оконцем,
Стало тише и даже светлей.
А во сне они видели солнце
И любимых своих матерей.
И не знали, что бури утихли,
Что растаяли разом снега,
Что ушли и болезни, и лихо,
И открылись у рек берега,
Что вернулись и птицы, и звери,
И цветы поднялись на лугах.
Открывались и окна и двери
В заколдованных злобой домах.
Почерневшие стены белели,
Потянулись к рассвету сердца.
И глаза у Добра молодели,
Уходили морщины с лица.
Спали дети, во сне улыбались,
Ярким светом сияла душа.
Страны чудные им открывались,
И была уже жизнь хороша.
А проснувшись, увидели чудо:
В светлой горнице спят на печи,
И тепло-то, светло-то повсюду.
На столе молоко, калачи.
А на улице солнце и песни...
Подхватились да сразу во двор.
Во дворе-то родители вместе,

О посевах ведут разговор.
Чёрной злобы ну как не бывало.
А без злобы пойдёшь далеко.
Жаль, что гостя куда-то пропала.
А как было с ней рядом легко!
А Добро стало жить в людях вечно
И в лесах, и в лугах, и в воде...
Путь его по земле бесконечен.
Вы его не губите в себе!
Зло и ненависть скоро иссушат.
На базаре не купишь Добра.
И Добро – вы, ребята, послушайте –
Не цените кулём серебра.
Я – старик, и статья здесь особая:
Много видел за жизнь свою.
Так смотрите, поманит вдруг злоба –
Тут же вспомните сказку мою...

Дед давно свою сказку закончил,
Пёк картошку в горячих углях.
Мы сидели с ребятами молча.
Поднимался туман на полях.
Ночь поводя свои отпустила,
Солнце вышло к себе на крыльцо.
И какая-то светлая сила
Охватила и нас, огольцов.
Вот и я теперь многое видел.
В жизни есть удивляться чему.
Поработал на шахтах я в Риддере,
Добровольцем ушёл на войну.
Было тяжело, порою до крика,
Но всегда был солдатом в строю.
А Добро, хоть оно и без лика,
Я его по делам узнаю.
Так что, внученька, помни: на свете
Зла немало, но больше добра.
Нас счастливей вы станете, дети.
Что же, праздновать, вроде, пора...

Хлеб испёкся, пельмени сварились.
Ёлка, пряники, дух торжества.
И глаза моих близких лучились...
Было это в канун Рождества.

г. Усть-Каменогорск

